

Александрова О.Н.

МИФ О МЕДЕЕ В ТРАКТОВКЕ КРИСТЫ ВОЛЬФ

Как известно, «древнегреческие поэты черпали сюжеты для своих произведений почти исключительно из богатой сокровищницы народных преданий, объединяемых сейчас в понятие древнегреческой мифологии, и не подвергали сомнению реальность событий или таких легендарных героев как Геракл, Тесей, Агамемнон, Гектор и др.» [4, с. 20]. Однако автор был вправе обрабатывать миф, давать ему и его героям новую трактовку. Так и Еврипид заимствовал сюжет своей трагедии из цикла сказаний о Золотом руно. Современная немецкая писательница Криста Вольф считает, что «существует по меньшей мере дюжина различных источников о судьбе Медеи» [4, с.185].

Миф о Медее связан с мифом об Аргонавтах. В нем рассказывается о том, как Аргонавты во главе с Ясоном прибыли в Колхиду в поисках Золотого Руна. Покровительствовавшие им боги внушили волшебнице Медее страстную любовь к Ясону. Из-за этой любви и обещания жениться на ней колхидская царевна помогла греческому герою преодолеть все испытания, которым его подверг царь Эет: с ее помощью греческий герой засеял поле зубьями дракона и победил выросших из этих зубов-зерен воинов. Медее помогла Ясону овладеть сокровищем, которое имело большое ритуальное и мистическое значение для всей Колхиды. Поэтому она была вынуждена бежать вместе с возлюбленным из родной страны.

Чтобы задержать отца-царя Ээта, преследовавшего похитителей, Медее убила бежавшего вместе с ней малолетнего брата Апсирга, расчленила его труп, а затем разбросала части его тела по морю, вынуждая отца прекратить погоню, чтобы собрать останки сына для совершения погребального обряда.

Существует и другой вариант мифа, в котором Апсирг не бежал вместе с Медеей, а возглавлял колхов, гнавшихся за Аргонавтами. В этом мифе Медее заманила брата в ловушку, а убил его Ясон.

Колхи настигли беглецов только на острове феаков и потребовали их выдачи у царя Алкиноя. Царь феаков согласился выдать преступницу, если она еще не стала женой Ясона. Предупрежденные супругой царя Алкиноя Аретой Ясон и Медее поспешили сочетаться браком.

Ради Ясона Медее вновь и вновь совершала преступления. После возвращения в Иолку она отомстила узурпатору Пелию, убившему отца и брата ее супруга. Месть ее настолько страшна (она убедила дочерей Пелия в том, что сможет вернуть их отцу молодость, если его убить, расчленив тело и сварить в котле), что Ясон и Медее были изгнаны из Иолки и были вынуждены искать пристанища на чужбине.

Супруги поселились в Коринфе, где Медее родила Ясону двух сыновей - Мермера и Ферета.

Когда же Ясон задумал жениться на дочери коринфского царя Креонта Главке (вариант мифа - Креусе), Медее, проклиная неблагодарного мужа, решила отомстить ему. Она послала сопернице пропитанный ядом пеплос, надев который Главка сгорела заживо вместе с отцом, пытавшимся спасти дочь.

После этого, убив своих детей, Медее улетела на колеснице бога Гелиоса, запряженной крылатыми конями (вариант - драконами). По другому варианту мифа Медее оставила детей молящимися у алтаря богини Геры, а коринфяне, мстя за смерть царевны, убили их. Этот вариант, например, использует К. Вольф в своем романе «Медее» (1996).

Бежав из Коринфа Медее поселилась в Афинах и стала женой царя Эгея, родив ему сына Меда.

«Медее» Еврипида (ок. 480 до н.э. – 406 до н.э.), поставленная в 431 г. до н.э., была первым сохранившимся произведением, в котором многочисленные варианты судьбы мифологической героини получили завершенное сюжетно-композиционное и проблемно-тематическое оформление (т.е. был создан протосюжет). Следует подчеркнуть, что Еврипид не просто переосмыслил древний миф, а создал собственный, оригинальность сюжетной схемы которого была воспринята современниками довольно прохладно [см. 1, 2, 7]. Поэтому, вероятно, уже в эпоху античности существовала версия, что он был подкуплен коринфянами и за 15 талантов серебра в угоду им переосмыслил миф: убийство детей Медеей снимало с жителей Коринфа подозрение в варварском пристрастии к человеческим жертвоприношениям [см. 5, с. 130-131].

В своей трагедии Еврипид использовал миф не в чистом виде, а только его часть (коринфский период), которую он видоизменял и трактовал по-своему. Древнегреческого трагика заинтересовала та часть мифа, в которой центральное место занимает месть Медеи Ясону за измену. Драматург выбрал тот вариант мифа, в котором Медее отравила царевну Коринфа и, желая покарать мужа, лишив его наследников-продолжателей рода, убила своих детей.

Еврипид известен как тонкий психолог, таким образом “из обыденной расправы на почве ревности сюжет этот превратился в потрясающую трагедию женского сердца” [6, с. 82].

Многие авторы использовали в качестве театральной темы сюжет мифа о Медее после Еврипида, от Овидия и Сенеки до Пьера Корнеля, от Жана Ануя и Франца Грильпарцера до наших современников. Мы встречаем произведения об этой героине в творчестве Тони Харрисона, Кристи Вольф, Хайнера Миллера, Боста (Ментиса Бостанцоглу). В полном объеме аргонавтика разрабатывалась, пожалуй, только в драматической трилогии Грильпарцера «Золотое руно», большинство же версий сосредоточено на исследовании трагического конфликта между Медеей и Ясоном.

Свободное обращение в отношении сюжета и системы персонажей вообще характерно для всех мифологических обработок. Каждый отдельный автор преследует при этом собственные определенные цели, или

как взгляд под другим углом на внутреннюю сущность отдельного персонажа или человека вообще, с одной стороны, или как эффективность использования духовного наследия прошлого для отражения актуальных проблем современности, трактовки современных авторам политических событий.

После появления в 1996 году романа немецкой писательницы Кристи Вольф (р. 1929) «Медея» «многие критики толковали книгу как перевоплощение отношений между ГДР и ФРГ, будто Колхида – это ГДР, а Коринф – ФРГ» [4, .180]. Но это произведение, которое можно было бы классифицировать как роман-исповедь, раскрывающий трактовку одних и тех же событий с точки зрения совершенно разных людей, поднимает проблемы, появившиеся в современном обществе в результате массового переселения граждан бывшего социалистического лагеря в капиталистические страны. Это проблема адаптации в чужой стране, проблема столкновения различных культур, проблема сложных взаимоотношений в многонациональной семье, проблема существования человека в обществе, граждане которого находятся на более низком уровне образования.

Медея Кристи Вольф бежит из родной Колхиды, пытаясь вырваться из плена жестокой идеологической системы, приносящей в жертву политическим интересам правящей верхушки человеческие жизни. В этом обществе кровавые языческие жертвоприношения быков богам, в которых героиня романа принимает непосредственное участие, в конце концов, приводят к человеческим жертвам: отец Медеи, царь Эет, стремится удержать ускользающую из его старческих рук власть, используя древние предания и обычаи, отдает на растерзание толпы беснующихся фанатиков единственного возможного политического соперника – своего сына Апсирта.

Парадокс романа заключается в том, что в цивилизованном Коринфе другие политики, используя эту смерть в борьбе против неудобной для них Медеи, создают миф об убийстве колхидской царевны собственного брата.

Оказывается, что борьба за власть в Коринфе ведется столь же жестокими методами, что и в Колхиде. Тщедушный царь Креонт, не желающий передать, в соответствии с законом, власть в руки своей жены царицы Меропы, под влиянием первого царедворца Акама, совершает жертвоприношение своей дочери Ифинои. Точно также, как и в Колхиде, это убийство сразу же обрастает создаваемыми политиками легендами, повествующими об отъезде девушки вместе с прекрасным царевичем в далекие страны и ее счастливой жизни там.

Смерть юной царевны приводит к далеко идущим последствиям: царица Мерапа теряет речь и устраняется с политической арены; безумие настигает единственную оставшуюся в живых царскую дочь Глауку после того, как она оказывается свидетельницей смерти своей сестры Ифинои и горя матери, потерявшей свою любимую дочь.

Правда, в отличие от Эета, Креонт понимает необходимость преемственности власти в государстве. Единственной его наследницей оказывается полусумасшедшая царевна Глаука, страдающая эпилептическими припадками и раздвоением личности. Боясь потерять власть, царь находит достойного претендента – Ясона, царевича, потерявшего права на отцовский престол и мечтающего о власти, богатстве и могуществе, чье зависимое от будущего тестя положение гарантирует правителю Коринфа безусловное подчинение и покорность.

Криста Вольф показывает, что стремление Ясона к высокому общественному положению является главной характерной чертой этого персонажа. Сам себя оправдывая, он рассуждает о том, что его «буквально разрывает между... привязанностью к Медее и... долгом, да и желанием служить и услужить царю Креонту» [3, с.25]. Но моральный долг героя Кристи Вольф вполне позволяет ему оставить не только жену на растерзание коринфян, но и собственных детей, не предприняв ничего для их защиты: «Никому не было бы ни малейшей пользы, вздумай я на совете распинаться и ее защищать» [3, с.72], - говорит он. Ясон не просто превратился в коринфянина, он «сделался придворным» [3, с.40]. Правда, сам себя он утешает тем, что делает это ради главной героини романа и ее детей.

Моральное падение героя проявляется даже в том, что он не говорит о мальчиках как о своих сыновьях. И это сразу же замечает Медея: «Ради вас, - говорил он мне. – Ради тебя и детей. Чтобы тебя здесь оставили». Так уже и говорил – «ради вас», сам себя к нам не причисляя [3, с.40], - что подтверждает мнение Креонта о том, что Ясон «давно их» (коринфян – О.А.), «только слепец этого не заметит» [3, с.22].

Но ведущей фигурой в политических играх Коринфа оказывается не царь Креонт, и даже не Ясон, а первый царский астроном Акам. Он играет роль серого кардинала, управляющего всеми героями романа из-за кулис. Он – единственный оказывается в выигрыше в результате придворных интриг: Креонт попадает в полную от него зависимость и в ожидании скорой смерти уединяется во дворце; царевна Глаука бросается в колодезь; Ясон, потеряв надежду на воцарение на престоле, спивается; Медею изгоняют из города; ее детей забивают камнями впадшая в отчаяние из-за охватившей город чумы толпа коринфян. А хитрый политик тут же создает легенду, в которой обвиняет несчастную мать в убийстве детей ради мести их отцу за супружескую измену. Подобная трактовка событий объясняется тем, что писательницу «занимала именно проблема, когда и каким образом женщину делают козлом отпущения» [4, с. 180].

Криста Вольф также отмечает, что ей «стало совершенно ясно, что история патриархата преобразила

мифологическую историю, женщину, что патриархат изменил мифологию, должен был изменить ее. Например, в отношении Кассандры, женщины, которой никто не верит. Еще больше преобразована Медея. «Варварка» - это было нечто, это есть нечто, чего патриархат не выносит – с полным на то основанием» [4, с.181].

Вольф представила свою Медею, с одной стороны, «варваркой», с другой – женщиной, «уже опередившей свое время гуманистическими идеалами, и это ее напугало, она чувствовала, как медленно и трудно человечество выкарабкивается, например, из времени, когда существовало жертвоприношение людей, когда жертвоприношение было нормальным явлением» [3, с. 184]. В трактовке немецкой писательницы Медея выступает человеком, пострадавшим от клеветы, коринфяне прозвали ее колдуньей и детоубийцей, выместив свой страх на женщине, поставившей их «перед решениями, до которых они не доросли, но одна необходимость которых разрывает душу надвое, оставляя после себя чувство поражения и вины» [3, с. 76].

Возможно, что такая трактовка античного мифа объясняется столь популярными в современной Европе и Америке феминистическими настроениями, повлиявшими и на творчество немецкой писательницы: в своем романе Криста Вольф использует в виде эпиграфа к одной из глав выказывание Катона: «как только женщины будут поставлены вровень с нами, они станут выше нас» [цит. по 3, с.40].

Помимо большого морального страдания, в какой-то мере морального остракизма со стороны окружающих, положение Медеи как иностранки имеет еще и серьезные юридические последствия. В древности (особенно во времена правления Перикла) по афинским законам такой брак не имел законной силы и мог быть легко расторгнут. В этом случае она, уже потерявшая всякое право на гражданство у себя на родине, теперь лишается пристанища и в Коринфе, детей, мужа, да и защиты самой жизни. В условиях социальной жизни в романе Вольф Медея теряет право на гражданство вообще и опускается до образа жизни бомжа: она находит приют в пещере.

Несчастья и разочарования, преследующие героиню в романе Кристи Вольф нескончаемы. И прежде всего это развенчание мифа о прекрасной жизни в чужой стране, сложившегося в умах людей, мечтающих покинуть Колхиду. Сопровождающим Медею ее соотечественникам очень трудно привыкнуть к обычаям чужой земли. Даже греку Ясону нелегко приспособиться к законам чужого для него греческого города: «...я все время что-то упускаю в кутерьме этого царского дома, обычаи и нравы которого мне так трудно даются» [3, с.16].

Криста Вольф показывает, что расовая дискриминация пронизывает все общество: коринфяне презирают колхидцев, считая их плебеями, не понимая, а скорее, не желая принимать чужие традиции и обряды: «Коринфянам хочется верить, будто там ... даже зверье не такое, как здесь, а все сплошь лютые чудовища, и им жутко слышать, что колхидцы держат змей у себя в домах, у очага, как домашних божков, и кормят их молоком и медом» [3, с.21].

Коринфянам важно знать, что они живут в «самой распрекрасной стране на белом свете», но благополучие коринфян прямо связано с их святым убеждением, что праведнее нет народа, который не только идеален, но и богоизбран.

А в это время «Коринф подтачивает какая-то хворь, однако, никто не желает замечать эту болезнь и вникать в ее причины..., этот недуг со дня на день может выплеснуться вспышкой саморазрушения, ... все непотребные силы, которые при упорядоченной общей жизни держатся в узде, вырвутся на волю» [3, с.62].

Проблема взаимопонимания не только между отдельными людьми, но и между целыми народами, поднимаемая немецкой писательницей актуальна сейчас как никогда. Будем надеяться, что она сумела заставить нас задуматься об опасности для всего человечества межнациональных конфликтов.

Литература

1. Анненский И.Ф. Трагическая Медея // Театр Еврипида. – Т. 1, Л. – 1966. – С. 205-264.
2. Королева-Болтовская Л.Н. Наследие Еврипида в творчестве И. Анненского // Драма и драматургический принцип в прозе: Межвуз. сб. науч. тр. Л.: Гос. пед. ун-т им. Герцена, 1991. – С. 8-16.
3. Криста Вольф. Медея. Голоса // Иностранная литература. - № 1. – М., 1999. С. 5-79.
4. Криста Вольф. Миф и образ // Вопросы литературы. - № 4. – 1999, С. 178-185.
5. Мифы народов мира. Энциклопедия в 2-х т. / Гл. ред. С.А. Токарев. – М.: Рос. Энциклопедия. – 1994. – Т. 2.
6. Радциг С.И. Опыт историко-литературного анализа «Медеи» Еврипида // Вопросы классической филологии. - № 2. – М., 1969.
7. Соболевский С.Ю. «Медея» Еврипида: Лекции. – М., 1960-1969. – С. 250-304.
8. Ярхо В.Н. Миф и политика в древнегреческой трагедии на материале произведений Еврипида // Вопросы истории. - № 1. – 1970. – С. 209-214.